

Махмутов Ильнур Айратович

студент

Миннахметова Ильсина Ильдаровна

студентка

Научный руководитель

Гафурова Светлана Равилевна

старший преподаватель

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»

г. Казань, Республика Татарстан

ВНЕСУДЕБНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С СУДЕБНЫМ ПОРЯДКОМ

***Аннотация:** формирование альтернативных процедур на основе посредничества при разрешении споров в частноправовой сфере является признанным вектором эволюции современной юридической науки и законодательства, тогда как возможность применения таких способов в публично-правовых спорах и создание альтернативных форм решения дел, отнесенных к юрисдикции судов, рассматривающих те или иные административно-правовые споры, достаточно редка, а данный вопрос критически оценивается и учеными, и опытными практикующими юристами. Проблематика альтернативных процедур урегулирования споров все чаще становится предметом научных изысканий ученых-юристов*

***Ключевые слова:** спор, соглашение, переговоры, конституционная база, юрисдикция.*

В каждой правовой системе существуют правила, регулирующие юрисдикцию ее судов при разрешении гражданских, уголовных и даже международных споров. Согласно судебной практике, при столкновении с административными актами, субъективные права снижаются до уровня законных интересов и должны

быть защищены перед административным судьей, это происходит в тех случаях, когда акты являются нелегитимными, поскольку представляют собой результат злоупотребления властью. Однако если административный акт издан «в отсутствие полномочий», он не способен ущемлять право на законный интерес, поэтому при сохранении субъективной правовой ситуации судебная защита предоставляется обычным судьей.

Эта общая система разделения юрисдикций противопоставляется другому критерию, не предусмотренному в качестве общего, но все чаще используемому в современном законодательстве, а именно разделению юрисдикций на так называемые «блоки дел». То есть, по закону все дела передаются на рассмотрение обычному судье или административному судье, независимо от характера рассматриваемой ситуации. В отношении блоков дел, переданных административному судье, мы говорим об «исключительной юрисдикции».

Разделение юрисдикции между обычными судьями и другими судьями, в частности, административными судьями, касается внешних границ юрисдикции обычного судьи. Конституция Российской Федерации (Далее – Конституция) подтверждает бинарную систему законных интересов и субъективных прав, устанавливая административного судью в качестве естественного судьи законных интересов, а обычного судью – в качестве естественного судьи субъективных прав [1].

По мнению В.В. Бородина и Т.Г. Фурмана, внесудебное урегулирование административных споров – это структурированная процедура, которая состоит из взаимосвязанных этапов, а именно:

- 1) принятие дела арбитром-посредником (медиатором) к производству;
- 2) подготовка к переговорам;
- 3) переговоры;
- 4) заключение соглашения о результатах процедуры;
- 5) исполнение определения суда по итогам урегулирования административного спора во внесудебном порядке [2, с. 87].

Исключительная юрисдикция административного судьи, также подтверждается тем, что последний обладает юрисдикцией и в отношении субъективных прав. Данная юрисдикция является ограниченной конкретным кругом вопросов, которые должны быть прямо указаны законодателем.

Таким, административный судья обладает «общей юрисдикцией законности» в отношении авторитетных административных положений, нарушающих законные интересы; и обладает специальной «исключительной юрисдикцией», которая распространяется на субъективные права в конкретных вопросах, указанных в обычном праве.

Конституция передает в ведение обычного права определение судьи, обладающего полномочиями аннулировать акты государственной власти в случаях и с последствиями, предусмотренными самим законом. Кроме того конституционная база показывает, что в тех случаях, когда администрация совершает частно-правовые действия (например, заключает договор) или просто материальные поступки (например, дорожно-транспортное происшествие), это не является осуществлением публичной функции, и, следовательно, государственная администрация находится на одном уровне с другими субъектами правовой системы и несет ответственность перед обычными судами (за неисполнение обязательств и за правонарушения, не связанные с договором).

В.Е. Бондаренко считает, что в тех случаях, когда администрация осуществляет властные меры, представляющие собой исполнение государственных функций, действующая правовая система определяет судью, обладающего юрисдикцией, на основе четырех критериев, в основе которых лежат:

1) тип причиненного вреда субъективной ситуации; это основано на дихотомии субъективных прав и законных интересов: за первые отвечает судья общей юрисдикции, за вторые – судья административного суда.

2) предмет спора; данный критерий относит предмет спора к компетенции обычного судьи или административного судьи независимо от типа рассматриваемой ситуации.

3) тип пострадавшей субъективной ситуации; критерий, основанный на этом, является исторически самым старым и до сих пор остается общим и остаточным среди других.

4) материя; исторически критерий возник для того, чтобы избежать неопределенностей, которые в некоторых случаях порождает общий критерий, и до сих пор остается не универсальным критерием [3, с.51].

Конституция в большей степени использует критерий «предмета спора» для определения исключительной юрисдикции административного судьи, но менее ясно, легитимизирует ли Конституция также исключительную юрисдикцию рядового судьи. Согласно первоначальной реконструкции, нет никаких конституционных препятствий для того, чтобы законодатель передал обычному судье целую сферу юрисдикции, в которой государственная администрация действует как государственный орган и в которой существуют как ситуации субъективных прав, так и законных интересов. В иной интерпретации, Конституция подразумевает, что обычный судья является судьей только субъективных прав, в то время как административный судья является естественным судьей законных интересов; следовательно, законодатель не может предусмотреть случаи исключительной юрисдикции судьи.

Так, охраняя возможность «полной юрисдикции» правительства над государственным управлением, включая право аннулировать административные акты, это касалось бы внутренних ограничений, т.е. полномочий, которые правительство может осуществлять над государственным управлением в пределах своей юрисдикции, без ущерба для соблюдения внешних ограничений и, следовательно, невозможности наделить правительство исключительной юрисдикцией, распространяющейся на знание законных интересов.

И.А. Гроник утверждает, что даже споры, касающиеся субъективных прав, отнесенных к административной юрисдикции, должны оставаться исключительно в компетенции профессиональных судей, поскольку, в свете параметров, установленных Конституционным судом, они все же предполагают осуществле-

ние власти. Субъективные права, о которых идет речь, в силу своей специфической природы и очевидной связи с общественными интересами, не могут быть переданы в арбитраж. Те же самые причины, которые оправдывают передачу таких споров в исключительную административную юрисдикцию, должны, соответственно, подразумевать и их исключение из арбитража [4, с.1116].

С аналогичной точки зрения можно также утверждать, что, подобно тому как законные интересы считаются «недоступными» из-за их связи с общественными интересами, субъективные права, подпадающие под исключительную административную юрисдикцию, также следует считать недоступными, учитывая их необходимую связь с осуществлением государственной власти. И нельзя не отметить то, что допущение возможности обращения к арбитражу споров, касающихся прав, которые, как утверждается, были нарушены положением о концессии, не только приведет к сохранению различия между правами и интересами.

Более того, О.В. Журкина и Е.И. Максименко считают, что сам законодательный выбор передачи знаний по определенным спорам, касающимся субъективных прав, в исключительную юрисдикцию отвечает цели концентрации юрисдикционной защиты в руках одного судьи, предотвращая любое возможное вмешательство других органов, принимающих решения, будь то обычный судья или арбитр, поскольку закон, устанавливающий особую юрисдикцию, «является положением публичного порядка, выходящим за рамки доступности в правовых вопросах, приписываемых сторонам» [5, с. 141].

Напротив, подчеркивается, что нет достаточных оснований для исключения законных интересов из сферы арбитража, отличающих их от субъективных прав, в том числе на основе резкой критики традиционного аргумента относительно предполагаемой недоступности правовых позиций, связанных с законными интересами. Как только будет признана возможность арбитража для споров, подлежащих административной юрисдикции, ограничение, основанное на характере используемой правовой позиции, станет бессмысленным; вместо этого должны применяться общие правила, определяющие пределы допустимости споров.

Оба тезиса подчеркивают, что законные интересы и субъективные права на практике очень часто неразличимы, особенно в случаях, касающихся исключительной юрисдикции. На практике, помимо сомнений в конкретной квалификации правовой позиции, заявленной апеллянтом, часто встречаются случаи, когда субъективные права и законные интересы действуют одновременно. Поэтому предложенный критерий различения, даже несмотря на вышеупомянутые возражения, может оказаться сложным в применении. Таким образом, проблематичным может быть предположение, что действия, направленные на принудительное исполнение административного решения, установившего нарушение законных интересов, являются правомерными.

Однако, на ключевые вопросы: «В чём заключается предмет спора?», «Это субъективное право на принудительное исполнение или законный интерес, установленный на предварительном слушании?», А.Н. Новиков и Д.Н. Слабкая утверждают, что, в любом случае, арбитр никогда не сможет осуществлять замещающие полномочия, типичные для исполнения решений, которые находятся в юрисдикции судов по существу дела, но этот аргумент касался бы пределов полномочий арбитра по принятию решений, не затрагивая при этом сферу действия арбитража на предварительных слушаниях [6, с. 52]. По-видимому, невозможно утверждать, что существует абсолютное ограничение на допустимость споров, подпадающих под сферу административной юрисдикции, распространяющейся на рассмотрение существа дела в арбитражном порядке. Следовательно, в подобной ситуации следует признать возможность обращения к арбитражу, даже если очевидна связь с лежащей в основе правовой позицией законного интереса.

Итак, некоторое несовершенство правового регулирования общественных отношений в Российском государстве, не вполне удовлетворительное состояние противодействия коррупции, недостаточно высокий уровень правового сознания граждан и другие негативные факторы являются плодотворной основой для возникновения конфликтов различной правовой природы, и судебная система иногда не вполне готова к надлежащему, результативному и своевременному реагированию на многочисленные обращения за защитой нарушенных прав, свобод и

интересов. К сожалению, принятие многочисленных мер по оптимизации судопроизводства – сокращение срока рассмотрения дела и основных процессуальных сроков, введение упрощенных процедур – не достигло своей цели в полной мере. Именно поэтому осознание важности распространения альтернативных судопроизводству способов разрешения правовых споров, в частности административно-правовых, открывает новые перспективы совершенствования механизмов правового государства в Российской Федерации, а их разнообразие является показателем зрелости правовой системы страны и готовности государства к сотрудничеству, обуславливает рост уровня правовой культуры граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 06.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бородин В.В. Новые законодательные акценты в процедуре медиации и юридические принципы альтернативного урегулирования споров / В.В. Бородин, Т.Г. Фурман // Социология и право. – 2021. – №4 (54). – С. 85–91. DOI 10.35854/2219-6242-2021-4-85-91. EDN WYBPEF
3. Бондаренко В.Е. Иницирующая роль суда в формировании организационных условий к урегулированию спора в альтернативной процедуре / В.Е. Бондаренко // Правовая культура. – 2023. – №4 (55). – С. 50–53. EDN ZQOFLP
4. Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии / И.А. Гроник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, №4. – С. 1113–1124. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124. EDN OYIRCY
5. Журкина О.В. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая / О.В. Журкина, Е.И. Максименко // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, №6–1. – С. 138–143. DOI 10.34670/AR.2020.63.35.051. EDN ADOGDH

6. Новиков А.В. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации / А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – С. 48–54. DOI 10.34670/AR.2020.28.82.008. EDN WUHKKF